

Действительно, взлет Керенского иначе как феноменальным не назовешь. В 36 лет, возраст для политика младенческий, он стал главой правительства огромной страны, почти диктатором. Преклонение перед ним приобрело кликушеские формы. Маяковский не погрешил против истины, когда писал: «Узнавши, кто и котрый, — Толпа распрягала моторы! Взамен лошадиной силы Сама на руках носила!»

Журнал «Республика», первый номер которого (сентябрь 1917 г.) был посвящен Керенскому, вышел с эпиграфом «Его, как первую любовь, России сердце не забудет» (!). Но загадка и состоит в том, что спустя считанные месяцы Россия вспоминала свою первую любовь с ненавистью или, в лучшем случае, с презрением. В данном случае говорить можно именно о России, ибо чувства эти объединяли и красных и белых.

Что касается биографии Керенского, то ныне она известна неплохо, поэтому есть смысл ограничиться лишь основными фактами. Родился будущий глава Временного правительства в Симбирске 22 апреля 1881 года. (Дата и место рождения Керенского неизбежно заставляют вспомнить другого знаменитого уроженца Симбирска. Но с Владимиром Ульяновым Керенский знаком не был — слишком велика была разница в возрасте, хотя помнить его помнил.) Отец Керенского, Федор Михайлович, был директором симбирской гимназии, а в 1889 г. повышен в должности и назначен главным инспектором училищ Туркестанского края. Здесь, в Ташкенте, прошла юность Керенского. Родители откровенно баловали старшего сына (в семье было еще три дочери и младший сын Федор), предвещая ему великое будущее, вплоть до того, что школьные его дневники сохранялись «для истории».

Среди пристрастий, проявившихся у Керенского в годы учебы, нужно выделить тягу к сцене. Гимназистом 6-го класса он сыграл Хлестакова, и, как говорили, весьма успешно. Увлечение театром не мешало Керенскому учиться. Гимназию он окончил с золотой медалью и поступил в Петербургский университет. Сначала оставил свой выбор на истории, но, видимо, прагматические соображения взяли верх, и заканчивал он курс уже по юридическому факультету. Свою профессиональную карьеру помощник присяжного поверенного Керенский начал как раз в канун первой российской революции.

В полицейских досье фамилия Керенского впервые появляется в январе 1905 года — он был одним из подписавших заявление протеста против ареста ряда представителей радикальной столичной интеллигенции. В декабре того же года при обыске у Керенского были обнаружены эсеровские прокламации, запрещенная множительная техника и заряженный револьвер. Керенский был арестован, три месяца провел под стражей, но за недостатком улик выпущен на свободу. Впрочем, и позднее он продолжал оставаться под негласным надзором полиции, фигурируя в отчетах филеров под кличкой Скорый.

Арест в немалой мере определил характер дальнейших занятий Керенского. Как адвокат он выступал в качестве защитника прежде всего на политических процессах. Самым известным из

них был процесс о Ленском расстреле. Керенский сам поехал на ленские прииски, где провел самостоятельное расследование. Итогом его стала брошюра «Правда о Лене», немедленно после выхода конфискованная полицией.

Выступления на политических процессах создали Керенскому известность и способствовали его избранию в IV Думу. В парламент он попал от города Вольска

ведчик Р. Локкарт, человек далеко не восторженный, называл Керенского одним из величайших ораторов в истории. Однако странно: опубликованные речи Керенского абсолютно не производят впечатления. В них нет ни убеждающей логики, ни эффектных риторических приемов. Видимо, дело было не в содержании, а, так сказать, в «манере исполнения». Американская журналистка

стиве которых закончилось прежде, чем он завершил выступление. Всплески нервной энергии чередовались у Керенского с неизбежными срывами, и не случайно о премьерере ходили слухи, что он нохает то ли эфир, то ли кокаин.

Вообще слухов о Керенском ходило много. Черносотенцы, оседлав любимого конька, заявляли, что Керенский — крещеный

дился в седло и, взяв в руки мунштучный повод с одной стороны и трензельный — с другой, поехал по фронту, в то время как один конюх следовал пешком у головы лошади, по временам давая ей направление, а другой бежал сзади, вероятно, с целью поддобрать Керенского, если он свалится. Рожи казаков запасной сводно-гвардейской сотни не оставили во мне никаких сомнений относительно впечатлений, произведенных объездом. На следующий день в столице заговорили о том, что Керенский метит на трон.

Керенский часто шутил по поводу того, что его подпись «А.К.» напоминает вензель «Александр IV». Керенский любил театральные эффекты и атрибутику: парных адъютантов, флаг над Зимним дворцом, который опускался, когда премьер находился в отъезде. Это было глубоко заложено в его характере, и не случайно одно из писем к родному юный Саша Керенский подписал «будущий артист императорских театров».

Как талантливый артист Керенский не только умел, но и любил нравиться, причем эта любовь подчас принимала характер болезненной страсти. Буквально за несколько дней до большевистского переворота он с гордостью сообщил своим коллегам по кабинету министров: «Знаете, что я сейчас сделал? Я подписал 300 своих портретов». Как артисту ему льстила популярность, как политик он принимал ее за искреннюю поддержку и просчитался в этом.

Короля, как известно, играет свита. Началу стремительного восхождения Керенского невольно способствовали его коллеги-думцы. Крушение монархии ввергло большинство из них в растерянность, в то время как Керенский (обладавший некоторыми связями в революционных кругах) воспринял происшедшее как уникальную возможность заявить о себе. Позднее В.В. Шульгин вспоминал об этом: «Он рос... Рос на начавшемся революционном болоте, по которому он привык бегать и прыгать, в то время как мы не умели даже ходить». Думские политики безропотно признали Керенского лидером и, хотя позднее раскаивались в этом, изменить уже ничего не могли.

Страна же как раз ждала лидера, человека, способного совершить чудо. Даже тогда, в февральско-мартовские дни, когда эйфория, казалось бы, захлестнула всех, в сознании людей подспудно нарастало ощущение чего-то страшного. Надежды же на лучшее постепенно стали отождествляться с Керенским.

Чувствуя, что от него ждут, Керенский играл сильного человека. Но это была только игра, ибо ни по причине личных качеств, ни в силу обстановки помешать надвигающемуся ужасу он не мог. Постепенно это становилось все заметнее. Один из участников государственного совещания, слышавший выступление Керенского, после этого говорил: «Я редко видел человека, который бы так старался доказать свою силу и вместе с тем оставлял такое яркое впечатление безволия и слабости».

Позднейшая всеобщая ненависть к Керенскому имела основанное несбывшиеся надежды. В памяти большинства он остался калифом на час, человеком, развалившим Россию, приведшим к власти большевиков.

В. ФЕДЮК.

ЛЮБИМЕЦ ПУБЛИКИ, КОТОРЫЙ ОТДАЛ РОССИЮ БОЛЬШЕВИКАМ

Саратовской губернии, для чего купил там за 200 рублей дом, превратившись в вольского домовладельца. В Думе Керенский быстро стал одним из самых популярных ораторов.

Но пик его карьеры приходится все-таки на 1917 год. В первом составе Временного правительства он министр юстиции, с мая — военный министр, с июля — министр-председатель, а с августа еще и верховный главнокомандующий.

Какие же качества позволили Керенскому пробиться на вершину власти? Поначалу лидеры крупнейших фракций в Думе относились к Керенскому с оттенком снисхождения, как и к возглавляемой им трудовой группе. Но то, за кем пойдут бессловесные трудовики, нередко определяло итоги голосования, и думские вожди сами не заметили, как оказались в зависимости от Керенского. Уже с начала 1916 г. его имя фигурирует во всех политических комбинациях, обсуждавшихся в парламентских кулуарах. Поэтому появление его в первом составе Временного правительства не было случайным, хотя занятый им пост министра юстиции поначалу не выглядел чем-то весомым.

Заняв затем пост главы военного ведомства, Керенский положил начало череде министров-дилетантов, ведь он даже не служил в армии. Но Керенский и не был ни специалистом-профессионалом, ни администратором. Он был прежде всего политиком и в таком качестве без особой разницы мог руководить хоть внешними сношениями, хоть министерством земледелия. Чиновнику не обязательно нравиться публике, а для политика это чаще всего необходимо условие. Надо отдать ему должное, Керенский нравиться умел.

Все современники отмечают его выдающийся ораторский талант. Английский дипломат-раз-

Рета Чайлд Дорр так описывала выступления Керенского: «Он слишком взвинчен на трибуне, дергается, бросается из стороны в сторону, делает шаги назад и вперед, тербит свой подбородок... Все его жесты импульсивны и нервозны, голос довольно пронзителен». Со стороны это могло бы показаться странным и даже смешным, если бы не те овации, которыми, как правило, зал провожал Керенского.

Сенатор С.В. Завадский, знавший Керенского по министерству юстиции, полагал, что его ораторские способности более воздействовали не на ум и даже не на чувства, а на нервы слушателей.

«То, что он говорил, не было спокойной и веской речью государственного человека, а сплошным истерическим воплем психопата, обуянного манией величия. Чувствовалось напряженное, доведенное до последней степени желание произвести впечатление, импонировать. Во второй — заключительной — речи он, по-видимому, совершенно потерял самообладание и наговорил такой чепухи, которую пришлось тщательно вытравлять из стенограммы» (В.Д. Набоков). На совещании в августе 1917 г. в качестве гостей присутствовала делегация американского Красного Креста. Речь Керенского (в которой они не поняли ни слова) произвела на американских врачей впечатление того, будто бы оратор говорил под влиянием наркотиков, дей-

еврей и настоящее его имя Арон Кирбис. (Возможно, основой для слухов было то, что девичья фамилия матери Керенского была Адлер. (См.: Шимонек Е. Керенские и Симбирск. Отечественные архивы. 1994)). К теме еврейского происхождения Керенского в годы Гражданской войны вернулась и пропаганда белых. Одна ростовская газета писала, что «Керенский, сын австрийской еврейки Адлер, бывшей замужем (первым браком) за евреем Кирбисом, и до крещения носил имя Арона. Овдовев, его мать вышла второй раз замуж за учителя Керенского, который усыновил Арона Кирбиса, ставшего после крещения Александром Керенским...»

Еще чаще передавали фантастические сплетни о намерении Керенского развестись с женой с тем, чтобы жениться на одной из царских дочерей. К слову, с женой он, в самом деле, развелся. А история с «Керенским на белом коне», упомянутая в есенинских строках, имела место в действительности. О ней рассказывал в своих воспоминаниях командующий Петроградским военным округом генерал П.А. Половцев. Когда в июне 1917 г. новый военный министр задумал организовать в Павловске смотр местного гарнизона, Половцев убедил его в том, что объезжать строй нужно непременно верхом. Керенскому подвели огромного белого коня, на котором некогда ездил царь. «Он взгромоз-